

УДК: 159.9.072.432

УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: МЕТОДЫ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. С. Фабрикант

*Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220004, Минск, Республика Беларусь
marharyta.fabrykant@gmail.com*

В статье рассматривается текущее состояние одного из направлений исследований исторической памяти – исследования учебников истории. Анализируются ограничения данного направления, связанным с привычными способами применения качественных методов анализа текста в социальных науках, а также с процедурными трудностями. Обозначаются перспективные направления дальнейших исследований: изучение внутринациональных различий, лонгитюдные исследования, сравнение на больших мультинациональных выборках, исследования восприятия школьных учебников, сравнительные исследования школьных учебников и альтернативных нарративов «публичной истории», сравнительные исследования школьных учебников и нарративов устной истории и изучение коммуникаций о содержании школьных учебников истории. Делается вывод о целесообразности изучения того, как учебники истории влияют не только на передачу определенного знания о прошлом в сочетании с определенной расстановкой акцентов, но и на формирование общих представлений о времени, способы понимания социальных изменений и осмысление коллективной и индивидуальной истории.

Ключевые слова: историческая память; учебник истории; публичная история; нарратив.

HISTORU TEXTBOOKS AS INSTRUMENT OF HISTORICAL MEMORY CONSTRUCTION: METHODS AND RESEARCH TRENDS

M.S. Fabrykant

*Belarusian State University
Nezavisimosti Ave. 4, 220004, Minsk, Republic of Belarus
marharyta.fabrykant@gmail.com*

The paper covers the current state of an area within historical memory studies, history textbooks research. The paper provides analysis of the limitations of this area of studies related to customary uses of qualitative methods of text analysis in social sciences as well as to procedural difficulties. The future trends of further research are stated as follows: study of intranational differences, longitudinal studies, comparison based on large multinational samples, studies of school textbooks perception, comparative studies of history textbooks and alternative public history narratives, comparative studies of history textbooks and oral history narratives, research on communicating content of school history textbooks. The conclusion is that history textbooks should be approached with regard to the ways they affect not merely the transmission of certain knowledge about the past combined with a set of certain normative evaluations, but also shaping general notions of time, modes of understanding social change and making sense of collective and individual history.

Keywords: historical memory; history textbook; public history; narrative.

Исследования исторической памяти, несмотря на достаточно долгую, в несколько десятилетий, историю, а последние годы приобретали все большую популярность, что связано прежде всего с активизацией «войн памяти» в публичном политическом дискурсе многих стран, которая, в свою очередь вызвана, неопределенностью будущего на фоне ожидания кардинальных перемен и, как следствие, обращения к конкретному историческому прошлому вместо абстрактных принципов как средству легитимации, как источнику образов будущего и психологическому ресурсу воссоздания преемственности и стабильности в меняющемся мире [1]. Поэтому важная задача исследований исторической памяти состоит в том, чтобы дифференцировать материалы, обусловленные этим различными мотивами, и тем самым понять логику измерений в представлениях об истории, которые, в свою очередь, влияют на принятие решений, имеющих социально значимые последствия.

Современные исследования исторической памяти часто затрудняются в решении этой задачи, поскольку сводят ее, во-первых, к привычной благодаря критическому дискурсивному анализу вопросу о том, какие интересы преследуют авторы изучаемых текстов и какие приемы используются для маскировки этих интересов, во-вторых, обращаются к наиболее доступным и наиболее простым для ответа именно на этот вопрос материалам – полемическим текстам в публичном пространстве традиционных и новых медиа. Несмотря на свою очевидную и не вызывающую сомнений ценность, подобные исследования исторической памяти обладают рядом существенных ограничений. Во-первых, наиболее доступные для исследователей, поскольку авторы всячески способствуют их распространению, и очевидные материалы совсем не обязательно наиболее репрезентативны для представлений большинства населения, которое составляют люди, не испытывающие особого интереса к «войнам памяти» и к политической полемике в целом. Во-вторых, оптика критического дискурсивного анализа конструирует образ полностью прагматичных авторов текстов и наивных, автоматически подверженных любому тщательно спланированному воздействию адресатов: это противопоставление, само по себе упрощенное, опровергается и психологической теорией, в которой утверждается существенно большее разнообразие и меньшая последовательность социального познания, и исторической практикой, которая демонстрирует существенные различия в успешности попыток внедрения в массовое сознание различных исторических нарративов. В-третьих, основная часть исследований исторической памяти посвящена отдельным, как правило, страновым кейсам, интерпретация которых проводится в привязке к общим моментам большой теории без важного промежуточного уровня, которым мог бы поспособствовать развитию теории, – систематическим сравнительным исследованиям.

На наш взгляд, в преодолении этих ограничений – репрезентативности, вариативности когнитивных процессов и недостатка эмпирически фундированного сравнения, – особую роль может сыграть одно из направлений внутри исследований исторической памяти – исследования учебников истории. Прежде всего, школьные учебники истории – единственный текст – репрезентант исторического нарратива, с которым знакомится подавляющее большинство населения. Более того, это знакомство происходит в подростковом возрасте, когда формируется способность к абстрактному мышлению и мировоззрение. Структура, содержание и

восприятие учебников истории во многом определяется тем, что от учебника в силу его жанровых особенностей нормативно ожидается целостность, относительная непротиворечивость и упрощенность транслируемых представлений о прошлом. Более того, дидактическая составляющая не только допускает, но и требует применения специальных приемов, регулирующих восприятие текста его целевой аудиторией, что позволяет перейти от общей задачи доказательства самого факта наличия этих приемов к изучению их эффективности и возможных непреднамеренных последствий. В-третьих, учебники истории или дисциплин, включающих в себя историю наряду с другими областями социогуманитарного знания (например, преподаваемый в школах США предмет *World Civilization*), в отличие от других текстов, направленных на конструирование исторической памяти, существуют и играют сопоставимую роль в большинстве стран, что делает учебники истории идеальным материалом для сравнительных исследований исторической памяти.

Исходя из этих возможностей и из общего состояния исследований исторической памяти, можно обозначить следующие направления исследований учебников истории.

1. Изучение внутристрановых различий. Большинство сравнительных исследований учебников исходит из неявной предпосылки о правомерности межстрановых сравнений, что предполагает сопоставление общих профилей каждой страны при относительной внутристрановой гомогенности. Это обусловлено преимущественно тем, что, в отличие от конкурирующих позиций в «войнах памяти» в публичном медиапространстве, нарратив школьных учеников возникает на пересечении профессиональной историографии, отражая взгляды, разделяемые научным сообществом, и официальной версии исторического нарратива. Однако на практике можно убедиться в том, что воплощения этого предположительно универсального проекта в силу необходимого наполнения конкретикой не могут ограничиваться наименьшим общим знаменателем и приводят к созданию различными авторами различных версий исторического нарратива. Сравнительные исследования различных учебников истории, существующих в одной и той же стране в один и тот же период времени, позволяют выявить тонкие различия и тем самым обозначить возможности вариативности в заранее заданных общих пределах и ресурсы реализации этого разнообразия.

2. Лонгитюдные исследования. Несколько более распространенным вариантом сравнительного исследования учебников истории являются лонгитюдные исследования, направленные на отслеживание изменений в структуре и содержании исторического нарратива на протяжении значительного, как правило, не менее полувека, временного периода. Обычно, опять-таки в силу общей логики критического дискурсного анализа, такие исследования направлены на выявление существенных изменений в освещении одних и тех же исторических событий, что позволяет продемонстрировать несостоятельность «презумпции объективности» любого исторического нарратива. Однако в настоящее время этот тезис в общем виде навряд ли нуждается в дополнительных доказательствах. Более интересным, чем сам факт изменений в оценочной составляющей исторического нарратива, на наш взгляд, представляется внутренняя логика этих изменений в структуре исторического нарратива, особенно в связи с тем, как присоединение более поздних исторических событий, которые со временем «становятся историей», побуждает к ретроспективному изменению нарративной структуры совсем не

обязательно в силу намеренной смены акцентов, но зачастую для сохранения преемственности и непрерывности исторического прошлого. Сохранение этой целостности повествования является неперенным условием и, возможно, создает более разнообразные и более существенные по своим последствиям ограничения на тексты учебников истории, чем это представляется в настоящее время.

3. Сравнение на больших мультистрановых выборках. Как правило, сравнительные исследования учебников истории охватывают относительно небольшое число страновых кейсов. Как правило, подбираются страны, вовлеченные в «войны памяти» между собой, от которых ожидаются противоположные оценки при возможном сходстве риторических приемов, или же, напротив, подбираются страны из одного региона, что позволяет одновременно выявить неочевидные различия и дать общую характеристику историческим нарративам этого региона. Поскольку часто «войны памяти» происходят между соседними странами, часто особенно интересные исследования сочетают обе эти характеристики. Исследования, которые охватывали бы более 10 стран, встречаются довольно редко, что очевидно связано не с недостатком исторических событий, явлений или персоналий, фигурирующих в исторических нарративах всех этих стран, а с организационными трудностями – объемом материала, необходимостью знания языков, на которых написаны эти учебники, и до определенной степени внутристранового контекста для каждой страны. Практика в том числе нашего собственного исследования показывает, что усилия, требуемые для проведения такого масштабного исследования, оправданы в том случае, если четко ограничить предмет сравнения историческим событием, которое было значимо для всех включенных в исследование стран в свой исторический период и память о котором значима и неоднозначна для каждой из этих стран в то время, когда были написаны и использовались в образовательном процессе изучаемые учебники, и в то время, когда проводится исследование [2].

4. Исследования восприятия школьных учебников. Критика, которую достаточно часто приходится слышать исследователям школьных учебников истории, заключается в отсутствии сколько-нибудь достоверной информации о том, каким образом изучаемые материалы воспринимаются целевой аудиторией [3]. Этот большой и существенный пробел очевидным образом обусловлен тем, что, в отличие от изучения текстов самих учебников, изучение их восприятия учениками и учителями требует дополнительных и намного более организационно сложных усилий, связанных с получением допуска к полю и преодоления последующих трудностей, характерных для полевых исследований. Преодоление этих трудностей может быть вполне оправдано, если не ограничивать постановку исследовательского вопроса проблематикой степени соответствия между намерениями авторов учебников и реальным восприятием (в особенности не следует сводить задачу исследования к выяснению того, насколько хорошо ученики усваивают материал: это задача исследований школьной успеваемости наподобие тестов PISA) которая уже успешно реализуется). Намного более интересно было бы посмотреть на динамику и содержательные характеристики трансформации первоначального текста, например, на изменения в структуре нарратива, в которых отражается придание общего смысла логике исторического процесса.

5. Сравнительные исследования школьных учебников и альтернативных нарративов «публичной истории». При изучении учебников истории

намерения авторов, связанные с расстановкой акцентов, если они не вполне очевидны из самого текста учебника, обычно обосновываются с опорой на некие программные исторические нарративы других жанров, например, влиятельные книги на стыке профессиональной и так называемой публичной истории. Однако было бы интересно пойти дальше и систематически сопоставить структуру исторических нарративов школьных учебников и других жанров публичной истории, в том числе не полностью вербальных (например, исторических музеев). Можно было бы изучить, в какой степени свойственное основной части публичной истории намерение научить или переучить определенному видению истории проявляется в привнесении отличительных характеристик учебников, какие именно характеристики оказываются наиболее универсальными и в каких составляющих, напротив, допускается наибольшее расхождение с прототипическим нарративом.

6. Сравнительные исследования школьных учебников и нарративов устной истории. Школьные учебники, как и другие жанры публичной истории, зачастую воспринимаются как проявления дискурсов, направленных на доминирование определенной позиции, продвигающей чьи-либо интересы, и тем самым противопоставляются так называемой устной истории, отражающей непосредственный, аутентичный и наивный индивидуальный опыт. Эти две области исследований исторической памяти существуют параллельно и не рассматриваются как рядоположные материалы для сравнительных исследований. Между тем, такие сравнительные исследования позволили бы показать относительность как осознанности намерений авторов учебников истории, так и непосредственности носителей непосредственного опыта, который раскрывается в материалах устной истории, выявив определенное сходство между ними и проекции индивидуального опыта, который может транслироваться авторами учебников в силу более или менее явной для них самих аналогии в том числе на далекие для них и для их целевой аудитории исторические события.

7. Изучение коммуникаций о содержании школьных учебников истории. Дополнение исследования самих текстов учебников обращением к изучению их восприятия целевой аудиторией – само по себе важная и непростая задача, однако изучение области влияния учебников этим не исчерпывается. Столь же важно и, пожалуй, еще более сложно изучить коммуникативные потоки, посредством которых распространяется содержание учебников истории и то, как оно при этом модифицируется. При этом можно будет выявить неочевидные направления влияния, выходящие далеко за ожидаемые задачи школьного курса истории – передачи определенного знания о прошлом в сочетании с определенной расстановкой акцентов – в сферу формирования общих представлений о времени, способов понимания изменений и осмысления коллективной и индивидуальной истории.

Библиографические ссылки

1. Сафронова Ю. Историческая память. Введение. СПб., 2019.
2. Fabrykant M. “Do It the Russian Way”: Narratives of the Russian Revolution in European History Textbooks // *Slavic Review*. 2017. Vol. 76. № 3, P. 741–752.
3. Pavasović Trošt T. (2018). Ruptures and continuities in nationhood narratives: Reconstructing the nation through history textbooks in Serbia and Croatia // *Nations and Nationalism*. Vol. 24. № 3. P. 716–740.